

Адамович Г. Бунин о чеховских пьесах // Новое русское слово. Нью-Йорк, 1956.
19 февраля. № 15576. С. 8.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

и повестях своих не грешившим ни избытком лиризма, ни слащавостью, ни тем, чего так боялся Тургенев (и чего не удалось Тургеневу полностью избежать) — «фразой». О Толстом Бунин когда то сказал, что у него во всех его книгах «нет ни одного фальшивого слова». Приблизительно то же мог бы он сказать и о Чехове, — только, конечно, не о чеховских пьесах...

От всего того, что в них слащаво, сентиментально и завинчено — лирично, Бунина мучило и корбило. Он охотно простил бы Чехову ошибки по части изображения помещичьего быта, с выдуманной по его мнению красотой вишневого рощи, и всем другим, не будь в этих пьесах рассыпаны пассажами вроде «мы отдохнем, мы увидим все небо в алмазах». Театр Бунина вообще не долюбил, посвятил театру жестокую и удивительную по силе и яркости страницу в «Жизни Арсеньева» театральщину же во всех ее проявлениях ненавидел и презирал. По его утверждению был близок к презрению ко всему театальному и сам Чехов, сказавший между прочим, что российские актеры отстают от общего развития русской культуры на три четверти века, и всколыхнул намекавший, что и сам Станиславский вовсе не кажется ему таким «красавцем — человеком», каким казался он Горькому.

Но в пьесах своих Чехов сделал театру и актерам уступку, нажал «педаль», пошла на сделку со своей художнической совестью, — и помимо «небес в алмазах» или прочувствованных обещаний насчет того, что «ты улынешься, мама» ввел всякие неврастенические словечки и шуточки, которых и в помине нет в его повестях. Бунин разводил руками и недоумевал: как мог он, он, Чехов, беспощадно требовательный к малейшему оттенку слова, болезненно откликавшийся на ничтожную оплошность в то не, в складе речи, в стиле, — мог он писать это, притом в те же годы, когда писал «В овраге» или «Архиерея»?

Был ли Бунин прав? Без секунды колебания, наоборот с уверенностью в поддержке со стороны большинства современных писателей (если не иностранных, то русских, которым иностранные суждения в нашей русской области — не указ!) скажу: да, Бунин в основном был прав. Он может быть недостаточно высоко ценил внутреннее движение в пьесах Чехова, скрытое, приглушенно — трагическое развитие действия в них, — или то новое, что Чехов внес в драматическую технику, — но в судорожном своем отталкивании от пригорной и легкой, так сказать беспрепятственной, чувствительности, розлитой в чеховских пьесах, он был прав не поколебимо, и даже праведно.

Все лучшее, что дала русская литература — на его стороне. Пушкин на его стороне. Толстой — на его стороне, не столько даже в суждениях своих о Чехове, сколько в том, как он писал и учил писать. Не может быть об этом споров, и достаточно вспомнить хотя бы того же «Архиерея» или «Июнь», или «Душечку», или «Плату ном. 6», или «Крыжовник» — все равно, — а после этого что-нибудь близкое по эмоциональному составу «небу в алмазах», чтобы сейчас же ощутить срынь и нечто вроде железа по стеклу. Когда то эти «небеса» нам очень нравились. Но мало ли что нам когда то нравилось? На то и движется время, чтобы учились мы отказываться от иллюзий.

Георгий Адамович

Бунин о чеховских пьесах

О недавно вышедшей посмертной книге Бунина «О Чехове» уже писал М. Л. Слоним. Многие он отметил в ней на мой взгляд совершенно правильно. Нельзя не согласиться, в частности, с его словами о «яркости и блеске» отдельных бунинских замечаний или характеристик, как бы пристрастны, а нередко и гневны они были. Бунин был человеком мало склонным к рассуждениям связным и последовательным: все у него было в коротких вспышках, и трудно представить себе его, пишущим статью обычного типа для газеты или журнала. Он и говорил так отрывочно, по своему, со скачками и внезапными остановками мысли, с необычайной меткостью определений, но без чего-либо похожего на речь логически — стройную.

Жаль, конечно, что книга его о Чехове осталась недописанной, однако кое что в ней потускнело бы, растворилось отдельные слова в связных периодах, будь автор принужден объяснять переходы от одного суждения к другому, с обычными в таких случаях «итак», «следовательно», как мы видели и прочим. В сущности, не только у такого писателя, как Бунин, книги отрывочные, лишенные внутренних скрепок, без плана, и связанного с планом управления мыслью, без заключения мысли в некие «шоры», не у одного только Бунина такие книги имеют особую прелесть и даже особое значение...

Да, несомненно, способность додумать мысль до последних из нее выводов, умение довести ее до намеченной цели, есть признак великой умственной мощи, и, скажем, «Критика чистого разума» написана быть в порядке импровизационном никак не могла. Но с другой стороны вспомним, например, Монтескье и его «Дух законов»: кто, кроме специалистов, в состоянии теперь этот солидный труд читать? Не сохранилось ли за ним значение главным образом историческое? А вот несколько лет назад об-

народованный сборник отрывочных записей Монтескье, на самые разнообразные темы, — книга, от которой подлинно нельзя оторваться, и если выражение «умственное наслаждение» что-нибудь значит, то именно такая книга его и дает.

У Бунина довольно много замечаний о пьесах Чехова, замечаний сплошь отрицательных. Некоторое исключение сделано для «Чайки», да и то условно: «Чайка» будто бы у Чехова пьеса «лучшая, единственная». Однако М. А. Алданов в предисловии своем приводит выдержку из письма Бунина, где с восхищением («50 с плюсом») процитирован отзыв Толстого: «Чайка» — вздор, ничего не стоящий». Очевидно и «Чайка» казалась Бунину пьесой не столько хорошей, сколько наименее плохой среди других, совсем плохих.

Слоним объясняет эту оценку до крайности странно и произвольно, впрочем не вполне договаривая то, что повидимому хотел сказать. По его утверждению «Бунин сам мечтал написать пьесу, «однако драматический жанр был чужд его дарованию», что и вызвало у него неприязнь к пьесам Чехова, в этом отношении более удачливого.

Вправе ли кто-нибудь такие предположения высказывать? На основании чего они сделаны? Поскольку могу я судить, по всему тому, что от Бунина когда-либо слышал, в догадках Слонима нет и проблеска истины. Нет сомнения, что приписывает он Бунину зависть, потому что если бы «драматический жанр» был вообще Бунину неприятен по свойствам его натуры, то должен был бы он отвергнуть и «Ревизора», и «Плоды просвещения», которыми неизменно восхищался.

Объяснение, которое давал сам Бунин своей нелюбви к пьесам Чехова настолько убедительно, что искать другого нет причин.

Чехов был по природе художником в высокой степени правдивым, никогда в рассказах

и повестях своих не грешившим ни избытком лиризма, ни слащавостью, ни тем, чего так боялся Тургенев (и чего не удалось Тургеневу полностью избежать) — «фразой». О Толстом Бунин когда то сказал, что у него во всех его книгах «нет ни одного фальшивого слова». Приблизительно то же мог бы он сказать и о Чехове, — только, конечно, не о чеховских пьесах...